

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Maggie Stiefvater

BLUE LILY, LILY BLUE

Copyright © 2014 by Maggie Stiefvater.
All rights reserved. Published by arrangement
with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA

Стивотер, Мэгги.

С80 Синяя лилия, лилия Блу / Мэгги Стивотер ; [пер. с англ. В. С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер).

ISBN 978-5-04-093194-1

Продолжение культовой книги «Воронята» лауреата престижной премии Michael L. Printz, которая вручается за лучший молодежный роман.

Роман «Воронята» — это:
Лучшая книга года по версии «Publishers Weekly»
Лучшая книга года по версии «New York Times»
Лучшая книга года по версии «Kirkus Reviews»

«— Ты хочешь сказать, что ты — зеркало?

— самого темно-синего оттенка. Зеркала! Вот что мы делаем, говорю тебе.

Они по-прежнему были материальны, но Блу не отражалась ни в одном из зеркал».

Блу Сарджент умела искать. После исчезновения матери девушка решила отправиться на ее поиски — под землю. Теперь, когда в жизни Блу появились настоящие друзья, опасность больше не имела значения. Воронята не оставили бы девушку даже в самой непроглядной тьме глубочайшей из пещер. И Ронан, сновидец, и Адам, ставший частью Кабесутера, сделали бы все, чтобы спасти Блу, если понадобится. Сновидения становятся реальностью, предания сбываются, а Блу встречается со своим прошлым, которое тесно перепелось с древними легендами.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-093194-1

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Лоре, белому рыцарю

*Я ищу то лицо,
Что носил до сотворения мира.*

УИЛЬЯМ БАТЛЕР ЙЕЙТС,
«ДО СОТВОРЕНИЯ МИРА»

*Будем благодарны за то, что зеркала от-
ражают только нашу внешность.*

СЭМЮЭЛ БАТЛЕР, «ЕДГИН»

ПРОЛОГ

НАВЕРХУ

Персефона стояла на голой вершине горы. Кремовое платье с оборками трепалось вокруг ног, масса светлых кудрявых волос развеялась за спиной. Она была полупрозрачной, нематериальной — нечто загнанное ветром меж камней и случайно зацепившееся за один из них. Здесь, наверху, где деревья не служили ему преградой, ветер дул яростно. Лежавший внизу мир был ослепительно осенним.

Рядом с Персефой, сунув руки в карманы запачканных машинным маслом брюк, стоял Адам Пэрриш. Вид у него был усталый, но глаза смотрели ясно — яснее, чем во время последней встречи. Поскольку Персефону интересовали только самые важные вещи, она уже давно не задумывалась о том, сколько ей лет, но, глядя на Адама, вдруг сообразила, что он довольно... *новый*. Беззащитное выражение лица, юношески сутулые плечи, бешеный разлив энергии внутри...

«Сегодня подходящий день», — подумала она. Было прохладно и пасмурно, не мешали ни солнце, ни фазы луны, ни шум с ближайшей стройки.

— Это дорога мертвых, — сказала Персефона, приводя свое тело в соответствие с незримой линией.

Она тут же почувствовала, как что-то внутри ее одобрительно загудело — это ощущение очень походило на удовольствие, которое испытываешь, расставив по порядку книги на полке.

— Силовая линия, — уточнил Адам.

Она спокойно кивнула.

— Найди ее сам.

Он немедленно ступил на линию и устремил взгляд вдоль нее столь же естественным образом, как цветок поворачивается к солнцу. Персефоне понадобилось гораздо больше времени, чтобы отточить этот навык, но, впрочем, в отличие от своего юного ученика, она не заключала сделок с волшебными лесами. Она вообще не особо любила сделки. В целом командная работа не была ее сильной стороной.

— Что ты видишь? — спросила Персефона.

Веки у него затрепетали, пыльные ресницы коснулись щек. Будучи Персефой (к тому же в подходящий день), она увидела то же, что и он. Это не было что-то связанное с силовой линией. Персефона увидела кучу разбитых безделушек на полу очаровательного особняка. Официальное письмо, напечатанное на бланке с печатью. Друга, который корчился в конвульсиях у ног Адама.

— Выйди за пределы себя, — негромко напомнила Персефона.

Она сама видела столько событий и возможностей на дороге мертвых, что ее ничего особенно не

удивляло. Как экстрасенс Персефона была сильнее в присутствии двух своих подруг, Мора и Каллы. Калла помогала разобраться в полученных впечатлениях, а Мора — поместить их в контекст.

Адам, очевидно, обладал потенциалом по этой части, хотя и был слишком молод, чтобы заменить Мору, — нет, не надо так думать, сказала себе Персефона, друга нельзя заменить. Она попыталась подобрать подходящее слово. Не «заменить».

«Спасти». Да, конечно, вот как мы поступаем с друзьями. Но нуждалась ли Мора в спасении?

Будь она здесь, на этой горе, Персефона, возможно, нашла бы ответ. Но будь Мора здесь, на этой горе, Персефоне не понадобилось бы его искать.

Она вздохнула.

В последнее время она часто вздыхала.

— Я вижу разное. — Брови Адама выражали то ли сосредоточенность, то ли неуверенность. — И не одно. Похоже... на животных в Амбарах. Я вижу, как они... спят.

— Грезят, — поправила Персефона.

Как только он привлек ее внимание к спящим, они вышли на первый план в ее сознании.

— Трое, — добавила она.

— Что?

— В частности, трое, — пробормотала Персефона. — Которых надо разбудить. Ой, нет. Нет. Двое. Одного будить не следует.

Персефона зачастую затруднялась с определениями «правильного» и «неправильного». Но в данном случае будить третьего спящего уж точно было НЕПРАВИЛЬНО.

Несколько минут она и мальчик — его звали Адам, напомнила себе Персефона (было очень трудно считать данные при рождении имени чем-то важным) — так вот, они оба стояли там, чувствуя ногами течение силовой линии. Персефона осторожно и безуспешно пыталась нащупать яркую нить Моры среди спутанных прядей энергии.

Адам, стоя рядом с ней, вновь ушел в себя — как всегда, его главным образом интересовало то, что оставалось для него непознанным. Собственная душа.

— То, что за пределами тебя, — напомнила Персефона.

Адам не открывал глаз. Его слова звучали так тихо, что ветер почти заглушал их.

— Не считите за грубость, но я не понимаю, почему должен этому учиться.

Персефона удивилась: с чего он взял, что такой разумный вопрос может быть невежливым.

— Почему ты учился говорить, когда был маленьким?

— И с кем я сейчас учусь общаться?

Персефоне понравилось, что он сразу же ухватил основную мысль.

Она ответила:

— Со всем.

В ПРОМЕЖУТКЕ

Калла была потрясена тем, сколько хлама скопилось в комнате у Моры, в доме номер 300 на Фокс-Вэй. Она так и сказала Блу.

Блу не ответила. Сидя у окна и задумчиво склонив голову, она разбирала бумаги. В этой позе она как две капли воды походила на мать — небольшая, крепкая, устойчивая. Она обладала странной прелестью, хотя и заколола свои темные волосы как попало вокруг всей головы и сидела в футболке, по которой прошла культиватором. А может, именно благодаря этому. Когда она успела стать такой хорошенькой и взрослой? Причем не увеличившись в росте. Наверное, так всегда бывает с девочками, которые питаются одним только йогуртом.

Блу спросила:

— Ты это видела? Клевые штуки.

Калла не знала, на что смотрела Блу, но охотно поверила ей. Блу была не из тех, кто расточает фальшивые комплименты, даже собственной матери. Она была доброй, но не старалась быть любезной. И слава богу, потому что любезные люди раздражали Каллу.

— Твоя мать одарена многими талантами, — ворчала она.

Этот бардак состарил ее на несколько лет. Калла любила вещи, на которые можно положиться. Шкафы с ящичками, тридцать один день в месяце, лиловую губную помаду. А Мора любила хаос.

— Например, у нее талант бесить меня.

Калла взяла подушку, и на нее нахлынули ощущения. Она сразу же узнала, где эта подушка была куплена, и как Мора подкладывала ее валиком под шею, и сколько слез пролилось на наволочку, и что ей снилось в течение пяти лет.

В соседней комнате зазвонил телефон горячей линии. Калла дернулась и утратила концентрацию.

— Блин, — сказала она.

Калла обладала даром психометрии: одного прикосновения зачастую хватало, чтобы узнать происхождение той или иной вещи и одновременно — чувства владельца. Но этой подушкой так часто пользовались, что она содержала слишком много воспоминаний. Разобраться в них было невозможно. Будь здесь Мора, Калла с легкостью сумела бы отделить важное.

Впрочем, будь здесь Мора, ей это и не понадобилось бы.

— Блу, иди сюда.

Блу театральным жестом хлопнула женщину по плечу. Ее природный усиливающий дар немедленно обострил способности Каллы. Она увидела, как надежды не дают Море спать. Ощутила отпечаток небритой щеки мистера Грея на подушке. Перед ней раскрылось содержание последнего сна Моря — озеро, похожее на зеркало, и какой-то смутно знакомый человек.

Калла ухмыльнулась.

Артемус. Давно пропавший возлюбленный Моря.

— Есть что-нибудь? — спросила Блу.

— Ничего полезного.

Блу быстро убрала руку, зная, что Калла способна ловить ощущения не только от подушек, но и от девушек. Но Калла не нуждалась в экстрасенсорных способностях, чтобы догадаться, что рассудительное и вежливое выражение лица Блу противоречило тому огню, который пылал внутри. Приближалась школа, любовь витала в воздухе, а мать Блу больше месяца назад исчезла, отправившись в какую-то загадочную экс-

педицию по личным мотивам и покинув своего новоиспеченного возлюбленного — наемного убийцу. Блу напоминала ураган, зависший неподалеку от берега.

«Ах, Мора! — подумала Калла и почувствовала, как у нее в животе все скрутилось. — Я просила тебя не уходить».

— Потрогай это, — Блу указала на большую черную гадальную миску.

Она, накренившись, лежала на коврике. Никто не трогал ее с тех пор, как Мора пропала.

Калла не очень любила гадания, магию с зеркалами и все остальное, что предполагало проникновение в мистический эфир пространства и времени, чтобы повалить дурака на той стороне. Теоретически, заглядывать в будущее было неопасно — просто смотришь на гладкую поверхность и медитируешь. Но на практике этот процесс зачастую предполагал отделение души от тела. А душа — хрупкий странник.

Когда Калла, Персефона и Мора в последний раз занимались зеркальной магией, то случайно заставили исчезнуть сводную сестру Моры, Нив.

Допустим, Калле она никогда не нравилась.

Но Блу была права. Гадальная миска, возможно, содержала ответы.

Калла сказала:

— Ладно. Но не прикасайся ко мне. Не хочу, чтобы ты сделала эту штуку еще сильнее, чем она есть.

Блу подняла руки, словно показывая, что оружия у нее нет.

Калла неохотно коснулась края миски, и перед ее мысленным взором тут же разлилась темнота. Она спала. Грезила. Бесконечно падала сквозь черную

воду. Ее зеркальная версия летела навверх, к звездам. Металл врезался в щеку. Волосы прилипли к губам.

Где же Мора?

В голове у Каллы запел незнакомый голос — скрипучий, насмешливый, монотонный:

Короли, королевы,
Королевы, короли,
Синяя лилия, лилия синяя,
Птицы и короны,
Мечи и безделушки,
Синяя лилия, лилия синяя.

И вдруг она сосредоточилась.

Вновь стала Каллой.

Теперь она видела то же, что и Мора, — трех спящих. Свет, тьму и нечто в промежутке. Она знала, что Артемус под землей. Что никто не выходит из этих пещер, разве что его извлекут. Что Блу и ее друзья были частью чего-то большего, чего-то огромного, медленно пробуждавшегося, потягивавшегося...

— БЛУ! — закричала Калла, догадавшись, отчего ее попытка внезапно оказалась столь успешной.

Разумеется, та касалась ее плеча и усиливала... все.

— Привет.

— Я же велела не трогать меня.

Блу явно ни о чем не сожалела.

— Что ты видела?

Калла все еще путалась в чужих ощущениях. Она не могла отбросить мысль о том, что готовилась к битве, в которой — каким-то образом — уже однажды участвовала.

К сожалению, она не помнила, удалось ли ей в прошлый раз победить.

ВНИЗУ

У Мора Сарджент было непреходящее ощущение, что время остановилось. Не то чтобы оно перестало функционировать. Просто перестало бежать вперед — в том виде, который она привыкла считать «обычным». Когда минуты складываются с минутами, создавая часы, дни и недели.

Она начала подозревать, что, возможно, проживает одну и ту же минуту снова и снова.

Кого-то это, наверное, беспокоило бы. Некоторые бы просто не заметили. Но Мора была не «кто-то». Она с четырнадцати лет видела будущее во сне. Со своим первым духом она побеседовала в шестнадцать. В девятнадцать воспользовалась отдаленным зрением, чтобы заглянуть на другой край мира. Время и пространство были бассейнами, в которых она плескалась.

Поэтому Мора знала, что на свете есть невозможные вещи, но понятия не имела, что в их число входит пещера, в которой время не движется. Сколько она тут провела? Час? Два? День? Четыре дня? Двадцать лет? У нее не успели сесть батарейки в фонарике.

«Но если время здесь не движется, они и не сядут, так ведь?»

Пробираясь по туннелю, она водила фонариком вверх-вниз. Мора не хотела разбить голову о камень, но не желала и свалиться в бездонную трещину. Она уже наступила в несколько глубоких луж, и ее поношенные ботинки стали мокрыми и холодными.

Хуже всего была скука. Бедное детство в Западной Вирджинии наделило Мору достаточной самостоя-